

Итоги после года «Итогов»

В начале января 1992 года в 22.00 зрители первого канала «Останкино» прочли название новой передачи «ИТОГИ» и встретились с ее ведущим — Евгением Киселевым. Год прошел... Журналист Юлия МАРИНОВА беседует с недавним юбиляром об итогах минувшего года. Итак — «Итоги» года.

— Евгений, простите за неблагодарный вопрос, но насколько продолжительной, на ваш взгляд, может оказаться жизнь такой передачи, как «Итоги»?

— «Итоги» с таким названием, с такими режиссерами, редакторами, операторами, с тем столом, за которым я сижу, с той студией, где работаю, могут исчезнуть. Появится новая студия, новый свет, новое название, новый ведущий в конце концов (я — человек импульсивный: пришел же когда-то в «Вести», создавал их, можно сказать, своими руками, потом в одночасье принял решение уйти). Но такая передача, думаю, будет существовать долго, если не всегда. Нужна передача итоговая, нужна передача, которая позволяет людям сориентироваться в огромном море информации за неделю. Неделя — это естественный цикл нашей жизни. Мы поработали, отдохнули, а в воскресенье вечером наши мысли уже волюно или невольюно обратились к наступающему понедельнику — праздник кончился, начинаются будни. И тут самое время оглянуться на прошедшую неделю, вспомнить, что мы в течение нее пережили, и представить, что нас может ожидать. В этот момент людям не важны мелочи — им важны существенные вещи, им важно понять, что характеризует нашу жизнь; политические и общественные процессы, в ней происходящие. Поэтому один из основных принципов «Итогов» — здесь не должно быть ничего случайного.

— Известно, что цензура «сверху» практически отменена. Скажите, а существует ли у вас некая «внутренняя цензура»?

— Я тоже считал до недавнего времени, что цензура отменена и, собственно, Закон о средствах массовой информации, принятый в России год назад, ее запрещает. Но между принятием закона и его реализацией на практике — огромная дистанция. В последнее время, когда резко обострилась борьба между различными политическими группировками в связи с предстоящим референдумом, не только я, но и другие журналисты стали испытывать давление со стороны разных политических сил, которые стремятся использовать возможности ТВ для проталкивания своих лозунгов и идей. Это, конечно, не цензура впрямую, но попытка использовать информационную передачу в политических целях. Задача «Итогов», скажем, — это ответы на вопросы «что?», «где?», «когда?». Комментарий необходим для того, чтобы ввести зрителя в круг проблем того или иного сюжета. А когда информационные передачи политизируются — это уже не информация, а пропаганда. Что не одно и то же.

Что же до «внутренней цензуры», то дело не в ней, а в творческом критерии и, если хотите, в совпадении или несовпадении со стилем программы. Вообще это колоссальная проблема: как понять, где проходит грань между цензурой и редактурой, по каким соображениям мы отказываемся от материала — по политическим или сугубо журналистским. Есть законы жанра, и каж-

дый журналист имеет свое «амплуа».

— А какое «амплуа» у вас?

— Я — ведущий, но я, скажем так, стараюсь быть над схваткой и занимать чью-либо сторону только тогда, когда уже руки выкручивают, когда уже с ножом к горлу, как в июне, например, когда полупьяная анпиловская толпа бесновалась под стенами «Останкино» и только что не матом писали о нас во всех «патриотических» изданиях. Вот тут я буду пристрастен! Пусть меня выдаст интонация, подбор героев, та лексика, которую я иногда употребляю сознательно, но я совершенно не скрываю, что ненавижу юдофобов, ненавижу «красной патриотизм» и верю, что эта страна может быть нормальной.

— Мы привыкли в семидесятых — в театре, кино, на телевидении — изъясняться «эзоповым языком». Потом стали пробовать говорить открыто. А недавно у вас прошел сюжет В. Кондратьева, посвященный 60-летию прихода Гитлера к власти. Сюжет не случайный, с намеком. Что, снова возникла нужда в «эзоповом языке»?

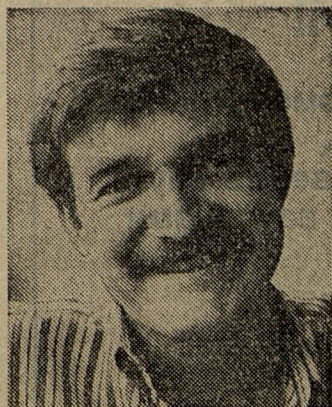
— Ну, в принципе, иногда это просто необходимо. Причины различны. Знаете, почему тот же Кондратьев появляется в «Итогах» значительно чаще, чем другие журналисты? А потому, что мы сейчас все оказались очень зациклены на наших проблемах; то, что происходит в других странах, при всем драматизме событий, настолько безотнositельно к нашей жизни и почти никакого зрительского интереса не вызывает. Кого сейчас волнуют, скажем, проблемы палестинских экстремистов? Кого волнует, что на место политических движений, выступающих все-таки под светскими лозунгами, приходят религиозники-фундаменталисты, которые отбрасывают политический процесс на десятилетия назад? Хотя на самом деле это огромная проблема: то же самое может произойти в других странах и, не дай Бог, у нас. И тогда на место того же Анпилова придут еще более страшные люди — настоящая черная сотня.

Кондратьев замечательно умеет находить связь между Западом и нами, предлагать такие повороты, которые ставят событие там, у них, в контекст нашей нынешней ситуации. Скажем, он делает сюжет о судьбе Хонеккера, но материал становится важным здесь.

Бывает и так, что мы получаем, сугубо конфиденциально, некую важную информацию и должны ее выдать в эфир, не раскрывая источник, не «подставляя» человека. Тут приходится придумывать разные хитрые формулы, чтобы все же донести информацию до зрителя.

— Кстати, а вы когда-нибудь задавались вопросом: кто ваш зритель и насколько многочисленна телеаудитория «Итогов»?

— Конечно. Я знаю, что выкладки разных служб по изучению общественного мнения показывают, что мы имеем от 20 до 35 процентов аудитории ста-

бильно. Это очень много. Что же до гипотетического зрителя, то «Итоги» — это передача, которую в первую очередь смотрит 80—90 процентов «властных людей» — политики, депутаты, министры, вице-премьеры и так далее. Плюс — интеллигенция. Так что возраст нашего зрителя — от 25 и выше. Молодежь передачу смотрит мало — ее сфера увлечений лежит в другой области. Недавно, кстати, был случай, забавно это подтвердивший. Я сидел в комнате у редакторов и режиссеров, что-то мы обсуждали, как вдруг открывается дверь и заглядывают две очень молоденькие и очень эффектные девушки: «Здравствуйте! А вы не подскажете, где найти Киселева?» Обращаются при этом прямо ко мне. Вот им я страшно завидую — нормальные люди, они эту политику в гробу видали, они мою передачу не смотрят никогда — и слава Богу!

— Не было разочарования от того, что вас не узнали?

— Нет. Наоборот, когда меня узнают, скажем, на улице, ощущение возникает мало-приятное. Чувствуешь себя обезьяной в клетке, которую с интересом разглядывают. Единственный раз была у меня замечательная «встреча со зрителем». Я стоял на троллейбусной остановке и вдруг из соседнего коммерческого ларька выскочил очень возбужденный восточный человек: «Дорогой! Я тебя узнал! Ты мне так нравишься! Идем со мной, слушай! У меня здесь коньяк, закуски — посидим, выпьем!» Я дико опаздывал. Пришлось сделать вид, что я — не я.

— У вас случаются «накладки»?

— Самая страшная была недавно. Что-то произошло в эфире, и разом выключились все камеры. Я в студии, отключен от аппаратной, передача идет, а меня не могут выдать в эфир — ни по звуку, ни по изображению. Не проходит сигнал. Сквозь стеклянную перегородку вижу, как мечутся люди, дергают какие-то кнопки, чуть ли не кулаком по ним стучат, в наушнике у меня вместо обычных режиссерских команд — крик, мат, ор! Идет сюжет — я не могу предвидеть его необходимым комментарием. За ним — второй, третий. У меня паническое ощущение — все! Я уже никогда больше не выйду в эфир, не скажу ничего из того, что хотел сказать! Слава Богу, камеру удалось починить...

— Что вам сейчас интересно?

— Я все чаще ловлю себя на том, что интереснее всего для меня иногда — выпастись...